

Цѣна отд. № 15 коп.

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

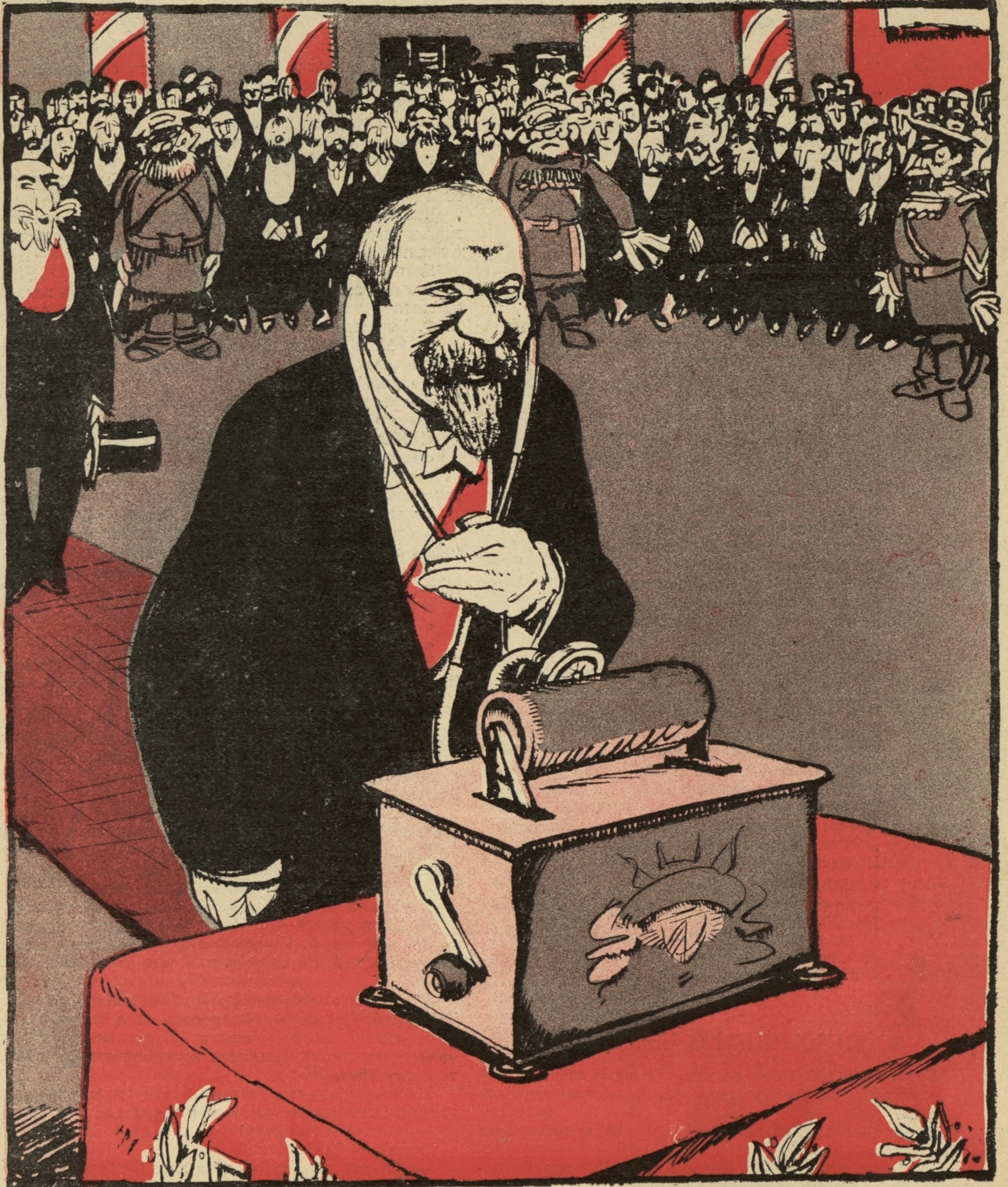
НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 28-29 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914

17 ЮЛЯ.

Рис. Ре-ми.

ЛОГИКА ВЕЩЕЙ.

„Земщина“ и „Русск. Знамя“ собираются во время пріѣзда въ Россію Пуанкаре запретить исполненіе французскаго гимна „Марсельеза“.

ВОТЪ КАКЪ ДОЛЖЕНЪ СЛУШАТЬ ПУАНКАРЕ „МАРСЕЛЬЕЗУ“.

ПЕЧАТЬ КАИНА.

Пѣвецъ обьденной печали
Съ улыбкой скорби на устахъ!
Тебя повсюду увѣнчали
На трехкопеечныхъ листахъ;
И по родному Захолустью,
За каждой лужей и кустомъ,
Столбцы, наполненные грустью,
Легли пугающимъ пластомъ.

Читатель, сидя на диванѣ,
Передъ какой-нибудь «Молвой»,
Глядитъ въ статью о «Дядѣ Ванѣ»
И никнетъ скорбною главой.
Задержитъ мысли на «Палатѣ»,
Сдавивъ ладонями виски,
И слезы сохнутъ на халатѣ
Отъ неразгаданной тоски,
И мысль о горестной утратѣ
Терзаетъ душу на куски...
Потомъ смахнетъ слезу съ рѣсницы
Тупымъ движеніемъ руки,
Отброситъ кисляя страницы
И тихо скажетъ: Чудаки!
При жизни Чехова — не вы ли
Съ позорной пѣной на устахъ
Его безжалостно травили
На тѣхъ же подленькихъ листахъ
Не вы ли сами — паки, паки —
За то, что правдой былъ великъ, —
Слюною бѣшенной собаки
Сквернили грустный, милый ликъ?
Не вы ли съ яростнымъ задоромъ
Пугали скорбнаго пѣвца,
Что онъ «подохнетъ подъ заборомъ»,
Какъ захудалая овца?
Когда творца нетлѣнной мысли
Пріялъ холодный гнетъ доски,
Вы неожиданно раскисли
И обалдѣли отъ тоски:
«Де-мы — товарищи по рати,
Де-намъ — не мыслимо молчать»,
И дерзновенно на печати
Кладете Каина печать!

Вы, усугубившіе муки
Премудро-скорбнаго пѣвца!
Долой запятнанныя руки
Отъ дорогого намъ вѣнца!

Владиміръ Воиновъ.

САПОЖНИКИ О ЧЕХОВѢ,

Предо мной небольшая книжка. Название ея:
«Сборникъ 86 критическихъ статей о произведеніяхъ
Чехова».

86 критическихъ статей о Чеховѣ! 86 авторовъ дали
свои отзывы о Чеховѣ!

Выдѣлимъ изъ этихъ 86 имена Бунина, Куприна, Вольн-
скаго, Михайловскаго, Овсяннико-Куликовскаго, Короленка —
и назовемъ «Сборникъ 86-ти» его настоящимъ именемъ.

Имя это въ заголовкѣ... Настоящее названіе сборника —
«Сапожники о Чеховѣ».

Вотъ что говорили въ свое время сапожники о художникѣ.

«Первые рассказы Чехова не имѣютъ серьезнаго содер-
жанія, а потому они легко забываются»...

«Второй сборникъ чеховскихъ рассказовъ «Въ сумер-
кахъ» стоитъ выше перваго»...

«Значеніе этихъ очерковъ умалывается тѣмъ, что дарованіе
употреблено на незначительныя вещи»...

Эти цитаты взяты изъ статьи А. Ф. Бычкова. Статья
была написана въ 1889 году.

Чеховъ, конечно, былъ на седьмомъ небѣ отъ «похвалы»
знаменитаго русскаго критика А. Ф. Бычкова. Говорятъ, онъ
плакалъ отъ радости и поклялся писать хорошо.

Клятву свою онъ, какъ извѣстно, сдержалъ.

Что же касается А. Ф. Бычкова, то онъ клятвъ никакихъ
не давалъ, и онъ остался попрежнему великимъ, славнымъ
А. Ф. Бычковымъ.

Не успѣлъ, однако, возгордиться Чеховъ, какъ появился
другой великій критикъ Н. Сумцовъ (какъ, вы не знаете
Н. Сумцова?) и написалъ:

«Талантъ Чехова не совсѣмъ ровный и не всегда послѣдо-
вательный».

«Наблюдательность иногда поверхностна».

«Психологическія и бытовыя черты иногда фальшивы».

«Его профессоръ — деревянная или тряпичная кукла съ
наклееннымъ ярлыкомъ ума, ничѣмъ не доказаннаго».

Заплакалъ послѣ этихъ словъ Чеховъ, но тутъ выска-
чилъ одинъ изъ величайшихъ нашихъ критиковъ Голосовъ
(какъ, вы не знаете Голосова?!) и сказалъ:

— Погоди, братъ, плакать. Наплачешься послѣ моихъ
словъ. Ты послушай-ка.

И Голосовъ начерталъ:

«Талантъ Чехова развивается туго»...

«...Краски его холодны и суховаты»...

Не успѣлъ опомниться Чеховъ, а ужъ тутъ какъ тутъ
Я. Абрамовъ (неужели, и Я. Абрамова не знаете?!).

Я. Абрамовъ пишетъ («Недѣля» 1898 г.):

«...Произведенія послѣдняго (Чехова) оставляютъ лишь
слабый слѣдъ въ самосознаніи общества, и Чеховъ имѣетъ
слабое вліяніе на образованіе господствующихъ въ обществѣ
взглядовъ. Въ этомъ отношеніи онъ ниже Г. Успенскаго,
Златовратскаго, Короленка».

Узнавъ, что онъ ниже Златовратскаго, Чеховъ совсѣмъ
пріунылъ, но судьбѣ угодно было нанести ему еще одинъ ударъ.

Пришелъ В. Чехихинъ (авторъ сочиненій Шекспира) и
доказалъ, что Чеховъ ниже Боборыкина.

— Уйду изъ литературы! — рѣшилъ Чеховъ.

Хотѣлъ уйти, но вдругъ услышалъ за спиной крикъ:

— Эй, подожди! Съ Потапенкой тебя сравнить хочу.

Это кричалъ А. Потаповъ изъ «Образованія». Вы, ко-
нечно, знаете А. Потапова? Какой русскій не знаетъ А. По-
тапова?

И послѣ сравненія вышло, что Потапенко куда пріятнѣе
Чехова, ибо Потапенко жизнерадостный, а Чеховъ хмурый.

Ничего не сказалъ Чеховъ. Молча онъ собралъ свои
вещи, взялъ посохъ и, выбравъ ночь потемнѣе, хотѣлъ по-
тихоньку уйти.

Но не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ силь-
ная рука схватила его за горло и закричала:

— Идеалы у тебя есть?

Это былъ Скабичевскій.

— Снимай котомку! — приказалъ Скабичевскій. — Раз-
вязывай веревки.

— Зачѣмъ? Я...

— Не разговаривать! Обыскъ хочу сдѣлать. Покажи,
гдѣ у тебя идеалы запряганы.

— Я... Я...

— Молчать! Кто за тебя отвѣчать будетъ? Я. Ходите безъ идеаловъ, а критикъ за васъ отвѣчай.

Покорился своей судьбѣ Чеховъ.

Молча и покорно онъ выслушивалъ мнѣнія своихъ критиковъ.

А ихъ было много, очень много.

Приходили какіе-то Шулятниковы, Задеры, Ростовцевы, Казанцевы, Потковскіе, Столяровы и т. д.

Одни хлопали его по плечу и поощряли:

— Пиши, братъ, пиши. Мы, что жъ? Намъ ничего, пиши.

Другіе учили:

— Не такъ, братъ, пишешь. Ты бы вотъ какъ сдѣлалъ. Видишь, учу тебя; потому что ты способный человекъ.

Третьи журили:

— Все-то ты пустячки пишешь... Взятся бы за дѣло, какъ слѣдуетъ.

Всѣ перечисленные авторы статей въ «Сборникъ 86 критическихъ статей о произведеніяхъ Чехова» писали при жизни Чехова.

Ихъ строки, какъ гвозди, впивались въ мозгъ и сердце Чехова.

Когда онъ писалъ, онъ не могъ не думать о нихъ.

Такъ жилъ и работалъ среди сапожниковъ Антонъ Павловичъ Чеховъ...

Вышеназванные критики Чехова еще почти всѣ живы.

Всѣ еще стоятъ на стражѣ русской литературы и украшаютъ своими строками отдѣлы критики въ газетахъ и журналахъ.

И никто еще изъ нихъ до сихъ поръ не подумалъ:

— Дай-ка, вернусь къ своимъ шилу и драфтѣ...

Никто!

О. Л. Д'Орь.

СВѢТЛЫЯ ЖЕНЫ.

Подъ скрипомъ напряженныхъ рей
Всплываютъ времена и сроки...
Майнъ-Риду, Диккенсу и ей
Я посвящаю эти строки...

I.

Когда въ покоѣ темной спальни,
Освобождаясь отъ цѣпей,
Едва бѣлѣетъ свѣтъ печальный, —
Ты прилетаешь изъ степей.

Ты первая изъ трехъ великихъ,
Неизъяснимыхъ женъ моихъ, —
Царица травъ, — Пампасовъ дикихъ —
И скаль обвѣтренно-сухихъ.

Броженье дѣтства не погасло:
Въ кругу видѣній знойныхъ странъ —
Ты — дочь вождя Умслопогасла, —
Иль одного изъ Могиканъ.

Вотъ профиль твой, скалисто-рѣзкій,
Вотъ мѣдъ обвѣтренныхъ ланитъ,
Вотъ стрѣлы глазъ въ червонномъ блескѣ...
Безсмертный капитанъ Майнъ-Ридъ!

II.

Когда, въ заброшенномъ кварталѣ,
Ты, посѣтивъ забытый докъ,
Меня задѣла взмахомъ шали,
Царица первыхъ, дѣтскихъ строкъ,
Я понялъ прустную улыбку
Твоихъ лазурно-чистыхъ глазъ
И первый, дѣвственный и зыбкій,
Я пережилъ экстазный часъ.

И мигъ во мракѣ бѣлой ночи,
Въ сумбурномъ множествѣ другихъ, —
Бездоннѣй, жутче и короче, —
И слаще, чѣмъ любовный мигъ.

Ты — тѣнь временъ и далей водныхъ,
Ты — свѣтлый и нѣмой экранъ
Людей стремительно-свободныхъ,
И знойныхъ океанскихъ странъ.

III.

Когда, сожженный новой вѣрой,
Въ хаосѣ солнца, въ безднѣ дня,
Я слышалъ шорохъ новой эры —
Ты вдругъ возникла для меня.

Ты — третья изъ моихъ чудесныхъ

И безконечно-нѣжныхъ женъ;

Надъ лабиринтомъ улицъ тѣсныхъ

Ты указала мнѣ амвонъ:

Днемъ — золотисто, ночью — звѣздно

Играло небо, какъ фантомъ;

И я сказалъ: «еще не поздно!» —

И принять быль въ обширный домъ.

Ношусь, блуждаю, какъ осколокъ,

Лучистымъ сномъ замороженъ;

Твой взглядъ — мой плѣнь, лазурь — твой
пологъ...

Ты — третья изъ чудесныхъ женъ!

А. Дэви.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. П. ЧЕХОВЪ.

Артистка Смурская.

Какъ же! какъ же! Антона Петровича я прекрасно знала и помню вотъ какъ сейчасъ. Я тогда выступала въ Ялтѣ. Цвѣты, подношенія, поклонники... Автомобиль выпрягали сто разъ и меня везли сами поклонники! Я тогда однажды встрѣтила тамъ миллионера! Это было на «Чайкѣ»... да, да! Автора тогда въ Ялтѣ не было...

А развѣ онъ тамъ когда-нибудь бывалъ?

Такъ этотъ самый миллионеръ меня на рукахъ носилъ...

Поэтъ Богомоловъ.

О, ты, о, Чеховъ величавый!
Ты, авторъ «Чайки», ты межъ насъ
Живешь увѣнчанный ужъ славой
И учишь жизни, сѣрыхъ насъ.
Ты насъ бичуешь жаломъ смѣховъ
За наши подлые грѣхи.
И будутъ вѣкъ велики, Чеховъ,
Твои ручьистые стихи!!!

Литераторъ Маситовъ.

Я тогда, помню, выпускалъ книгу «Вопль моего сердца». Ладно... сижу это я въ типографіи и правлю корректуру. Ладно! Только это вдругъ захотѣлось мнѣ лимонаду. Хорошо, послали это мы за лимонадомъ, и вдругъ у меня, — можете себѣ представить! — подъ ложечкой засосало... Что? Антонъ Павлычъ-то при чемъ? Такъ, вѣдь, онъ мнѣ тогда денегъ-то на лимонадъ далъ, — у меня у самого тогда не случилось... Чеховъ? Нѣтъ, не Чеховъ его фамилія Такъ вотъ я вамъ про ложечку-то...

Литераторъ Епиходовъ.

Да, онъ будилъ мысль, онъ звалъ насъ туда, въ глухую Сибирь! Туда, гдѣ онъ томился столько лѣтъ въ ссылкѣ, какъ и всѣ наши передовые люди...

Что? Онъ не былъ сосланъ на Сахалинъ, а по доброй волѣ?..

Гммм! что?.. Такъ вотъ тоже помнимъ мы одного... Слава была, все такое, а на самомъ дѣлѣ онъ и не сидѣлъ ни разу, а только какъ-то попалъ въ участокъ, и то за то, что кого-то пырнулъ изъ ревности.

Поэтесса Бальзакова.

Онъ былъ нестерпимо грубъ и невоспитанъ. Я тогда была еще почти дѣвочкой и, конечно, благоговѣла передъ его стихами и поэмами. Когда я приѣхала въ Ялту, я желала его увидѣть, но онъ не приѣхалъ ко мнѣ. Тогда, какъ гора къ Магомету, я пошла къ нему.

Я взяла съ собой Сержа, Пьера, Коко, проводника Ахметку; за нами увязались Марья Павловна, Анна Петровна, Софья Григорьевна и еще кое-кто, и вотъ мы поѣхали на автомобиляхъ. Сначала за-

ЧЕХОВСКІЕ ДНИ.

— Что у васъ сегодня идетъ?

— „Дядя Ваня“.

— Ахъ, это, который арбитръ въ чемпионатѣ?! Не знаю, удобно ли моимъ дѣвочкамъ смотрѣть на полуголыхъ мужчинъ?!

Рис. А. Юнгера.

СУРРОГАТЪ.

Мужъ: — Эхъ, скучно безъ винта!..

Жена: — Ну, нѣтъ винта — замѣни чѣмъ-нибудь другимъ... Крюкомъ, что ли!..

Ѣхали въ ресторанъ и выпили шампанскаго, а потомъ къ нему. Онъ сидѣлъ на балконѣ и писалъ, видимо, стихи. Но насъ онъ не принялъ, сказавъ, что его дома нѣтъ.

Все-таки Сержъ крикнулъ ему:

— Здравствуйте, Антонъ Павловичъ!

Представьте, на это привѣтствіе Чеховъ схватился за виски и упалъ со стула... Отчего, — я не знаю...

Мадмуазель Марго.

Ахъ, какъ я его обожаю!.. Какъ я тогда безумно хотела надъ его прелестнѣйшей пьеской «Приютъ Магдалины». Это было у Валентины Линъ! Мнѣ, помню, тогда представили одного молодого человѣка, и мы съ нимъ такъ безоблачно-весело провели три вечера... Сколько было въ той пьесѣ настроенія и этого, какъ это говорятъ... пикантъ... пикантъ!..

Дрызгунова Сыновья.

АТРАКЦИОНЪ.

Качанье встрѣчное трапецій,
Расчетъ угловъ, сдѣленье рукъ.
Полетъ размѣренъ и упругъ.
Сперва намъ трудно было спѣться:
Внизу — песка дрожащій кругъ,
Вверху — петли скользящій звукъ,
Канатъ — струной, тревожно тугъ.
И на стержнѣ куда намъ дѣться?!

Но скоро тактъ насъ заманитиль,
Очароваль и укачалъ.
Отъ тѣла къ тѣлу были нити...
Воздушныхъ полные наитій,
Ловили стержень, какъ причалъ...
Внизу бордюръ людской урчалъ.
Когда жъ къ стержню полетъ насъ мчалъ,
Я тамъ стоялъ, какъ на гранитѣ.

Зачѣмъ же нынче тактъ не нуженъ
И влаженъ хрупкій порошокъ?
Зачѣмъ слѣжу, въ огнѣ недужень:
Изъ ложи ласковый смѣшокъ
Наверхъ послалъ ей «этотъ», дружень.
Сижу я грузно, какъ мѣшокъ,
И каждый мускульный вершокъ
Не въ темпъ и наискось напряженъ.

Иль потолокъ сегодня низкій,
Что лампы лижутъ огнемъ?
Иль эти ложи странно-близки?
Иль черезчуръ глоталъ я виски?
— «Зачѣмъ задумалась о немъ?!...»

Качайся, шутъ! Пускай! Кутнемъ
Въ воспоминанье о запискѣ,
Что я нашель сегодня днемъ,

Прощайте, цѣпкія ліаны:
Взметѣнность двухъ летящихъ рукъ!
Пускай — я дьяволь. Пусть я пьяный,
Не протяну своихъ я вдругъ —

Метнулись фраки синихъ слугъ,
Стозѣвень циркъ, кричаще-страмный —
Двойнымъ магнитомъ станетъ кругъ!

Эй, подбери насъ, «новый» другъ!..

Сергій Горный.

ВОСПОМИНАНІЕ О ЧЕХОВЪ.

I. Какъ было.

- Кажется, Чеховъ? Антонъ Павловичъ? Я васъ сразу узналъ.
Пишите все? Ну, ну. Позвольте познакомиться. Чигирьевъ!
— Вамъ, собственно, что угодно?
— Да познакомиться просто. Нешто нельзя?
— Извините, я занятъ. Пишу.
— Что пишете?
— Повѣсть.
— Ну, для гостя можно отложить. Все равно, всего не испишете.
— Извините, г. Чирякинъ, у меня голова болитъ. Я ужъ пойду, въ свою комнату.
— Чигирьевъ я, а не Чирякинъ.
— Уходите!!
— А когда мнѣ можно еще придти?
— Приходите въ 1920 году!!

II. Какъ написано

- Антонъ Палыча я хорошо зналъ.
Онъ повѣрялъ мнѣ всѣ свои планы:
— Повѣсть же сейчасъ пишу же. У меня же голова болитъ же, — частенько говорилъ онъ.
Всегда хворалъ.
Но шутку любилъ.
Моя фамилія Чигирьевъ, а онъ всегда перевернетъ: то Чирякинъ, то Чирковъ...
— Ты же Чирини! Ты же меня забываешь, не заходишь! Заходи всегда! Даже въ 1920 году. Не забывай же пѣвца сумерекъ же. И вотъ — Чехова нѣтъ!
Мы, близко его знавшіе — не можемъ примириться съ этимъ.
Спи, работяга и хорошій товарищъ!

Лука Чигирьевъ.

ПАЛКА О СКОЛЬКИХЪ КОНЦАХЪ?

Нѣкій Ловласъ сказалъ:

— Достоверно нѣкій филозофъ отмѣтилъ, что „палка два конца имѣеть“: ибо хотя плескъ фонтановъ и заглушаетъ наши поцѣлуи, но онъ же и шаги вашего злобнаго мужа заглушить можетъ!..

На что возлюбленная съ дѣтской беззаботностью отвѣтствовала.

— Палка сія даже о трехъ концахъ, ибо плескъ фонтановъ также и звукъ оплеухи, вами отъ супруга полученной, искусно заглушить можетъ!

Рис. А. Р.

ТЕРНОВЫЙ ВЪНОКЪ.

На могилу Чехова.

Память Антона Павловича Чехова для всѣхъ насъ священна.

Поэтому, съ благоговѣйнымъ чувствомъ въ десятую годовщину его кончины возлагаемъ на дорогую могилу вѣнокъ. Увы — вѣнокъ терновый.

Впрочемъ, Антонъ Чеховъ слишкомъ русскій писатель, чтобы могъ надѣяться на пошлѣйшій лавровый вѣнокъ.

Русскимъ писателямъ терновые вѣнки болѣе сродни. Итакъ:

I.

— Г. редакторъ! Васъ спрашиваютъ.

— Кто?

— Говоритъ: Чеховьянецъ. Должно, изъ армянъ.

— Да что ему нужно? Чѣмъ занимается?

— Я спрашивалъ. Говоритъ: Чеховьянецъ.

— Странное занятіе. Пригласите его.

Вошедшій господинъ вынулъ изъ кармана коробочку, открылъ ее и послѣдовательно разложилъ передо мной: измятую, довольно грязную салфетку, двѣ обгорѣлыхъ спички, кусочекъ сахара и велосипедный билетъ за № 14121, выданный двинскому мѣщанину Терентію Иванову.

— Вотъ.

— Что это?

— Не купите ли?

Я внимательно осмотрѣлъ разложенныя богатства.

— Видите ли что... Я предпочитаю покупать спички неиспользованными, оптомъ, такъ... не менѣе цѣлой коробки сразу. Сахаръ я приобретаю по знакомству, необгрызенный и, кромѣ того, стремлюсь, чтобы онъ былъ безъ желтыхъ пятенъ. Покупка тоже оптовая: два-три фунта... Билетъ этотъ болѣе полезенъ велосипедисту Терентію Иванову, чѣмъ мнѣ — не-велосипедисту и не Терентію Иванову. И, наконецъ, салфетка носить на себѣ очень замѣтный свѣтлый знакъ изъ буквъ и орнамента: «Золотой Якорь». Ну, какой же я, посудите сами, Золотой Якорь?!

— Ничего вы не понимаете, — сурово оборвалъ меня по сѣтителъ. — Я чеховіанецъ.

— Ага... Ну, что, какъ у васъ на Кавказѣ... все спокойно?

— На кой дьяволъ намъ съ вами Кавказъ?! Я тамъ никогда и не былъ!

— Простите, но ваша фамилія...

— Это моя профессія!! Посудите сами: разъ есть пушкинціанцы — почему не быть чеховіанцамъ?

— Допустимъ. Ну? Что вамъ нужно?

— Купите у меня эти вещи для Чеховскаго музея. Замѣчательныя реликвіи. И недорого: пара спичекъ по 15 рублей — вмѣстѣ уступлю за 25; сахаръ; ну, это... я самъ на него смотрю сквозь пальцы. Три-пять рублей совершенно предовольно за этотъ увражикъ. Салфеточка — вещь диковинная. На ней, такъ сказать, отпечатались типично чеховскія черты. А велосипедный билетъ?... о, это вы должны у меня съ руками оторвать.

Хорошо было бы оторвать ему руки даже безъ этого билета. Но, признаться, велосипедный билетъ меня заинтриговалъ.

— Что же это за билетъ?

— А вы на фамилію обратили вниманіе?

— Ну, да. Ивановъ.

— То-то и оно. Прообразъ знаменитой Чеховской драмы.

— Это что же... Чеховъ своего «Иванова» и писалъ съ этого... велосипедиста Терентія Иванова?

— Нѣтъ, но фамилія! Замѣчаете — фамилія? Одна и та же. Родственники Терентія рассказывали мнѣ, что гениальный писатель долго не могъ остановиться на какомъ-нибудь названіи своей пьесы, пока не познакомился съ Терентіемъ. Тутъ его и осѣнило! Взять и назвать: Ивановъ. Просто и мило. Этотъ билетъ былъ семейной реликвіей, пока нужда не заѣла семью Ивановыхъ. Тутъ-то я и подвернулся. Купилъ совсѣмъ за гроши: полтораosta. Дайте нажать четвертной. Отдамъ за 175.

— Спички тоже относятся къ билету?

— Нѣтъ, спички особо. Однажды былъ сильный вѣтеръ. Могучія деревья гнулись, какъ тростинки; и вотъ Антонъ Чеховъ, желая закурить трубку...

— Полно вздоръ говорить. Чеховъ не курилъ не только трубки, но даже папиросъ.

— Курилъ! Ей Богу, вѣрьте совѣсти — курилъ. Только онъ стѣснялся родныхъ. Нѣжная, деликатная натура — не хотѣлъ никого огорчать. Тончайшая организація... Впрочемъ, спички я могу уступить и за двѣ красненькихъ. Но очень хорошія спички.

— На что онъ мнѣ, — усмѣхнулся я. — Если бы еще были необгорѣлыя...

— Варваръ! — хлопнулъ онъ меня салфеткой по плечу, кокетливо сощурясь. — Вандаль! Спички, которыя держали Чеховскіе пальцы!.. Вотъ сахаръ я не навязываю — хотите берите, хотите — нѣтъ. Всего-то ему и цѣна — пять цѣлковыхъ.

— А въ лавкѣ берутъ 14 копѣекъ за фунтъ.

— Нѣтъ!.. И это называется культурный человѣкъ! И это называется писатель! Редакторъ! Знаете ли вы, что однажды въ Москвѣ незабвенный творецъ «Романа съ контрабасомъ» пилъ кофе, и хозяйка наложила въ чашку столько сахара, что онъ усмѣхнулся своей ласковой немного задумчивой улыбкой и сказалъ: «Ого! Сахару слишкомъ много. Приторно!». Замѣтите, какая чуткая организація, не выносящая ничего лишняго, никакихъ преувеличеній: «Приторно!». Хотите, я вамъ запишу этотъ случай? Или сами запишите... Только не забудьте эти чудесныя, такъ рисующія Чехова, слова: «Ну, и навалили же вы сахару! Чуть сами туда не сѣли!». Какой истинно «чеховскій» сарказмъ, какая иронія. Каждое слово алмазь. Вы только вслушайтесь въ эту разстановку словъ: «Ну, и напихали же вы сюда сладости! Какъ чашка не лопнетъ! Васъ только заставъ Богу молиться!..» Это чудесное словечко «моленіе». Берете?

— Что?

— Сахаръ.

— Ну его.

— Странно. Неужели и салфетка для васъ пустой звукъ? Видите, какая?

— Да. Грязная.

— Святая грязь! Однажды проникновенный творецъ «Лошадиной фамиліи» ѣлъ у себя въ Мелиховѣ кисель. И вдругъ ложкой какъ тыпнетъ по тарелкѣ!..

— Зачѣмъ? — изумился я.

— Это у него бывало. Задумается, а потомъ вдругъ размѣется своимъ мелодичнымъ смѣхомъ неизвѣстно чего, да ложкой по тарелкѣ — хлопъ! Такъ и тутъ. Ну, кисель весь на бѣлыя брюки фонтаномъ. Покойный Тихоновъ присутствовалъ при этомъ — можете провѣрить. Что тутъ былъ за переполохъ — нельзя себѣ представить! Брюки-то восемь, а то и всѣ десять рублей стоили. Всѣ оцѣпенѣли прямо. А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, схватилъ со стола салфетку, да и давай чистить брюки.

— Странно, — поднялъ я брови. — Вы говорите, что дѣло происходило у него въ имѣньѣ, а на салфеткѣ написано «Золотой Якорь».

— Извините, — сурово перебилъ онъ. — Память великаго бытописателя сумерекъ священна, и не намъ ее загрязнять. Утверждали же, что Некрасовъ слишкомъ счастливо игралъ въ карты. Неужели и мы, подобно этимъ гробокопателямъ, бросимъ тѣнь на великую могилу?!

— Чѣмъ же вы можете доказать, что эта салфетка именно Чеховская?

— Pardon! А пятна?

— Ну, пятна... Пятна вы и сами могли сдѣлать.

— Pardon!! Я бывший офицеръ, и если превратности судьбы заставили меня... то я, вообще, прошу... Знаете, не того!.. Мировые на это смотрятъ очень серьезно. И потомъ вы говорите абсурдъ! Ну, предположимъ, я сдѣлалъ пятна на салфеткѣ... А спички? А сахаръ? Я ихъ тоже

сдѣлалъ? Значить, я долженъ, по-вашему, открыть спичечный и сахарный заводы?! За кого вы меня принимаете? За графа Бобринскаго? За Лапшина?!

— Если вы будете кричать, я велю васъ вывести...

II.

Усталымъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ на меня.

— Ну, хотите за все двадцать пять рублей? Вѣдь, салфетка одна, если даже она и не чеховская — на худой конец полтора рубля стоитъ. А спички! А сахаръ! А велосипедный билетъ прообраза Иванова?!

— Не надо, говорятъ вамъ. Вотъ если бы у васъ были какія-нибудь личныя воспоминанія о Чеховѣ...

— Есть! Чего же вы молчали?..

— О чемъ?

— Вотъ, наприимѣръ, одинъ памятный разговоръ съ нимъ. Однажды онъ рассказывалъ, какъ хотѣлъ открыть лотошный клубъ и какъ все уже было сдѣлано, да администрація запретила.

— Чеховъ? Лотошный клубъ?!

— Что васъ такъ удивляетъ? Покойникъ любилъ азартъ и не прочь былъ поднажить деньгу. «Вѣришь ли, Ероша... (Это я. Ерофеемъ меня зовутъ.) Вѣришь ли, — говоритъ, — Ероша, запретили мнѣ лотошный клубъ. Кому вредъ? Ну, проигрывали бы нудные, сумеречные людишки (какая четкость слога! Узнаете Чехова?), проигрывали бы — и чортъ съ ними! Все равно, такъ или иначе, а и мы и они ноги протянуть. Такъ хоть, по крайности, мы-то поживемъ въ свое удовольствіе».

— Это онъ такъ говорилъ?

— Онъ.

— Чеховъ?

— Ну, да.

— Вамъ?

— Угу.

— А при этомъ свидѣтели были?

— Что вы! Развѣ можно такія интимныя вещи говорить при постороннихъ!

— Гм... да. Впрочемъ, это не имѣетъ никакого отношенія къ литературѣ. А намъ нужны литературныя воспоминанія о Чеховѣ.

— Есть.

— О чемъ?

— О пьесѣ «Чайка». Однажды мы съ нимъ сидѣли на скамейкѣ въ Таганрогѣ. Онъ и говоритъ: «Хорошо бы выпить чаю сейчасъ. Съ лимончикомъ». И такая при этомъ чеховская, немного разсѣянная улыбка. А я говорю: «Какъ будетъ мужской родъ отъ слова: чай». — «Какъ же, — отвѣчаетъ удивительный создатель «Средства отъ запоя», — очень просто: «Чайка» будетъ отъ слова чай». И задумался. Потомъ прошепталъ: «Чайка! Это идея. Это красиво. На четыре акта хватить!». Вынулъ записную книжку, записалъ. Такъ и создалась «Чайка».

— А свидѣтели были при этомъ разговорѣ?

— Были. Тихоновъ былъ.

— Что вы все — Тихоновъ, да Тихоновъ. Тихоновъ умеръ.

— А я при чемъ, что онъ умеръ? Такъ берете воспоминанія?

— Нѣтъ.

— Болѣе, чѣмъ странно. А Чеховскія вещи берете?

— Нѣтъ.

— Такъ-съ. Стоило только, чтобы прошло десять лѣтъ со дня смерти — и уже забыть! И уже никому не интересно! Забвень отъ людей! Ну, давайте за все десять рублей.

— Не дамъ.

— Ну, пять!

— Нѣтъ.

— Что жъ... и рубля жалко? Вѣдь салфетка новехонькая. Ее только ежели выстирать...

— Рубль я дамъ. Но только салфетку забирайте. Не нужно.

— Вотъ за это мерси! И сахарокъ я ужъ возьму. А спички и билетъ — ваши. Будемъ считать спички по двугривенному, а билетъ за шестьдесятъ.

Когда онъ уходилъ, я вышелъ его провожать.

— О, не затрудняйтесь, — замахалъ онъ руками.

— Нѣтъ, почему же. Тутъ, кстати, виситъ мое пальто.

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ? — прищурился онъ.

— Да то, что я слишкомъ скромнень для всего этого. Чеховіанцемъ вы можете быть, а аверченковіанцемъ вамъ дѣлаться не слѣдуетъ.

— Подождемъ! — загадочно сказалъ онъ, уходя.

И неизвѣстно было, чего онъ хотѣлъ ждать: того ли, чтобы я сдѣлался извѣстнымъ, того ли, чтобы прислуга когда-нибудь оставила парадную дверь открытой?

Бѣдный Чеховъ! Десять лѣтъ тому назадъ тебя привезли въ вагонъ для устрицъ, и нынѣшніе «юбилейные» дни проходятъ подъ тѣмъ же нелѣпымъ знакомъ нелѣпой устрицы.

Аркадій Аверченко.

СПОРТЪ.

Румяный шкиперъ бросилъ мячъ тяжелый
И черни онъ понравился вполнѣ.
Потомки толстокожаго футбола:
Крокетъ на льду и поло на конѣ.

Средь юношей теперь по старинѣ
Цвѣтетъ прыжокъ и выпадъ дискобола,
Когда сойдутся, въ легкомъ полотнѣ,
Оксфордъ и Кэмбриджъ — двѣ прирѣчныхъ школы!

Но только тотъ, дѣйствительно, спортсменъ —
Кто разорвалъ печальной жизни плѣнь:
Онъ знаетъ мѣръ, гдѣ дышитъ радость, пѣнясь...

И дѣтскаго крокета молотки,
И сѣверные наши городки,
И даръ боговъ — великолѣпный теннисъ!

О. Мандельштамъ.

Рис. Миссъ.

ЭВОЛЮЦІЯ МОДЫ.

—... А для прогулки дай мнѣ платье, въ которомъ я пѣла „Прекрасную Елену“...

— Что вы, барыня! Да вѣдь тамъ сбоку громаднѣйшій разрѣзъ!

— Это ничего... Передвинемъ его напередъ и получится самый модный видъ.

ДЕСЯТЫЙ ПАЦИЕНТЪ.

Горничная пропускаетъ въ кабинетъ маленькаго инженера и говоритъ врачу:

— Пациенты очень просили принять этого больного внѣ очереди.

— Сильная боль?

— Нѣтъ. Онъ очень любопытенъ.

Инженеръ по-пріятельски подмигиваетъ зубному врачу и показываетъ два ряда грязныхъ зубовъ.

— Вѣрите вы ей! Просто, вѣжливые пациенты.

Зубной врачъ записываетъ въ толстую книгу фамилію инженера и ставитъ противъ нея какіе-то таинственные значки.

Увидѣвъ свою фамилію въ книгѣ, инженеръ начинаетъ посмѣиваться.

— Обманулъ! Ей-Богу — обманулъ, а вы повѣрили! Вотъ вѣдь, простофиля! Весь свѣтъ знаетъ, что я Стариковъ, а онъ пишетъ Помдетерровъ!

Врачъ спокойно пишетъ противъ фамиліи цифру «десять» и говоритъ:

— Садитесь въ кресло.

Пациентъ вѣжливо улыбается и тоненькимъ голоскомъ спрашиваетъ:

— Въ какое?

— Ну, вотъ. Ясное дѣло, — въ большое.

Пациентъ внимательно осматриваетъ кресло и трогаетъ пальцемъ обивку.

— А зачѣмъ ступенька? — спрашиваетъ онъ.

— Ступенька? А чтобы подниматься. Ну, садитесь. Вамъ что? Запломбировать или вырвать?

Инженеръ важно садится въ кресло и кладетъ ногу на ногу. Его маленькіе, горящіе глаза перебѣгаютъ съ предмета на предметъ и останавливаются на блестящей лампѣ.

— Зачѣмъ вотъ этотъ винтикъ?

— Подвинтить. Опустите ноги. А ротъ откройте. Больше.

Инженеръ раскрываетъ ротъ, высовываетъ языкъ и тянетъ «а-а-а-а»...

— Не надо языкъ, — строго говоритъ докторъ.

— Слава Богу, лѣчилъ я горло.

— Горло — да, а это — зубы.

— Горло поважнѣе зубовъ. Видѣли вы гдѣ-нибудь вставное горло?

— Вамъ съ болью, или безъ боли?

— Можетъ быть, вы вырвете? Вѣдь, это скорѣе?

— Вырвать секунда.

— А нельзя такъ сдѣлать, чтобы я самъ себя вырвалъ?

— Попробуйте.

Инженеръ тяжело вздыхаетъ и глубокомысленно говоритъ:

— Не умѣя и лаптя не сплетешь... Запломбировать я, пожалуй, сумѣлъ бы, а вырвать, — нѣтъ, не смогу. Проектъ сдѣлаю, планъ сниму, а какой-то зубъ, — и я пасую... Скажите, вы долго учились пломбировать?

— Три года.

— А зачѣмъ вотъ на той машинѣ колесо?

— Вертится колесо.

— А резинка?

— Это не резинка. Меня ждутъ другіе пациенты, — что мнѣ съ вами дѣлать?

— Вамъ виднѣе, на то вы и докторъ. Только вы напрасно усы брееете. Къ чему это?

— Чтобы въ носъ не лѣзли. Откройте ротъ.

— А-а-а... Больно,

— Надо терпѣть. Я вамъ сдѣлаю безъ боли. Сидите прямо.

— А, можетъ быть, вырвемъ.

— Какая разница?!

— Вамъ не противно, что у меня грязные зубы?

— Не развлекайте меня.

— Вы, пожалуйста, не думайте, что я неряха. Просто, я потерялъ зубную щетку. Если бы вы дали мнѣ свою, я мигомъ вычистилъ бы.

— Съ ума вы сошли?

Инженеръ иронически улыбается и обиженно говоритъ:

— Зубной порошокъ жалѣете? Такъ-съ... Я могу и заплатить, могу и безъ порошка почистить.

— Будемъ мы рвать зубъ, или нѣтъ? — сердито спрашиваетъ докторъ.

— А зачѣмъ я пришелъ сюда?

— Тогда сидите прямо, я сейчасъ обезболю. Стоить это на три рубля дороже.

— Не наклоняйтесь такъ близко.

— Молчите. Спрячьте языкъ. Ну, я обезболиваю.

— Возьмите два.

— Что значитъ — два?

— Два рубля.

— У меня такса.

— А три жалко. Рвите тогда съ болью.

Докторъ сердито ставитъ на столъ пузырекъ съ смѣсью.

— Я уже приготовилъ. Чего же вы раньше молчали?

— Ничего, спрячьте для другого.

— Чтобы вамъ на томъ свѣтѣ спрятаться. Открывайте снова ротъ, — я рву.

— Стойте, стойте! Вырвите мнѣ зубъ вотъ той палочкой.

— Той нельзя. Та для пломбы.

— А этими щипцами я боюсь. Вдругъ сорвутся и языкъ прихватятъ.

— Бѣда? — зло спрашиваетъ докторъ.

— Что жъ дѣлать, а этимъ — боюсь, — безнадежно-тоскливо говоритъ пациентъ. — Нельзя ли этимъ?

— Я вамъ по-русски объясняю: для пломбы этотъ боръ.

— Такъ, можетъ, запломбируете? Какъ по-вашему, по-ученому?

— О-охъ... Чего же вы вскочили?

— На креслѣ — клопъ.

— Клопъ? Э, что бѣ ему! Ну, раздавилъ я вамъ клопа, или нѣтъ?

— Пахнетъ клопомъ, возмутительно пахнетъ. Не выношу я этотъ запахъ...

— Окна вамъ открыть? Дезинфекцію? Скорую помощь позвать?

Инженеръ спокойно смотритъ на доктора и удивленно спрашиваетъ:

— Чего жъ вы волнуетесь? Примите одного, двухъ пациентовъ, а я посижу въ пріемной и подожду, пока запахъ пройдетъ... Потомъ сяду — потолкуемъ.

Евграфъ Дольскій.

Къ читателямъ и подписчикамъ.

Въ виду типографской забастовки и связаннаго съ этимъ невыхода очереднаго номера журнала — издательство принуждено выпустить настоящій номеръ съ двойной нумераціей (№ 28/29).

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ЛЕТНЯЯ СТРАНИЦА

АРАДАКОВЪ.

— А вашъ супругъ пьетъ?
— Нѣтъ... даже маленькой — и то ни за что не пропустить.

— Ваша дочь не замужемъ?
— Нѣтъ, — она барышня. Совсѣмъ дитя!
— То-то я вижу, что въ ней есть что-то дѣтское.

— Кар-а-а-ауль, на помощь! Моя жена провалилась.
— Ахъ, милый, оставь меня посидѣть здѣсь хоть часъ, — я воображаю, что въ Парижѣ.

— Я всегда утверждалъ, что Вѣра можетъ двигать горами.

— А я и не зналъ, что депутаты уже вернулись „на мѣста“.

ЧТО У КОГО БОЛИТЪ...

— Вамъ нравится Чеховскій „Медвѣдь“?

— Что вы! Развѣ Чеховъ былъ и рестораторомъ?

Вѣроятно, если бь я занялся этимъ вопросомъ, я такъ или иначе рѣшилъ бы его, но я принципиально не желаю конкурировать съ Мечниковымъ и его товарищами по микробамъ и ретортамъ.

И потому я оставляю этотъ вопросъ открытымъ; кто хочетъ и можетъ — пусть закроетъ его. Моя заслуга въ томъ, что я открылъ его. Вотъ рассказъ о томъ, какъ я дошелъ до открытія.

* * *

— У меня къ тебѣ, дорогой мой, просьба, — сказала дядюшка.

— Охотно.

— Мнѣ врачъ запретилъ выходить въ теченіе нѣсколькихъ дней на улицу, а у меня на товарной станціи Николаевской дороги стоитъ вагонъ фруктовъ, — нѣжные сорта грушъ ужъ, вѣроятно, стали портиться, и мнѣ необходимо скорѣе продать товаръ. Самъ понимаешь, продамъ, какъ говорится, по любой цѣнѣ, даже съ убыткомъ. Чѣмъ скорѣе продамъ — тѣмъ меньше убытку будетъ. Понялъ?

— Конечно, понялъ.

— Ну, вотъ, дорогой мой, сходи въ Апраксинъ къ Перфильеву и предложи отъ моего имени. Сможешь?

— Отчего жь? Господи, не маленькій я и не дуракъ! Правда, никогда въ жизни не приходилось заниматься коммерціей, но для васъ охотно, дядюшка, позаймусь. Чего мудренаго: разъ вы мнѣ объяснили все.

— Вотъ, милый, спасибо! Признаться, я даже не ожидалъ, что ты согласишься. Это, гляди, счета. Это вотъ, 4725 — своя цѣна, себѣ стоитъ, это вотъ — стоимость провоза, это — цѣна грушъ по сортамъ, это — яблокъ...

— Давайте, дядюшка, я дома всѣ счета проштудирую.

Дядюшка расчувствовался и даже обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Не тому радъ, что дѣло сдѣлаю, а что племяшъ у меня такой хорошей. Въ завѣщаніи не забуду!

Я вздохнулъ. Онъ понялъ по-своему: какъ разъ наоборотъ.

— Ну, не вздыхай, еще поживу!

... Я добросовѣстно изучилъ счета и отправился къ Перфильеву.

— Хорошій товаръ? — спросилъ Перфильевъ.

— Хорошій, только нѣжные сорта грушъ стали портиться.

— Ну, вотъ, сами видите, дорожиться вамъ нечего.

— Мы и не дорожимся, — не маленькіе мы съ дядюшкой и не глупые, — по любой цѣнѣ продадимъ.

— А какая все же ваша цѣна будетъ?

— Да такая, чтобы меньше убытку было. Мы согласны на убытокъ.

Перфильевъ погладилъ бороду, похлопалъ сначала себя по животу, потомъ меня по плечу и сказалъ:

— Убытокъ — убытку рознь.

Слова дядюшки упали не на каменистую почву, — я ихъ впиталъ въ себя и во время примѣнилъ.

— Скорѣе продадимъ — убытку меньше будетъ.

— Правильно! Загляните, молодой человекъ, черезъ недѣлку-другую.

— А здорово я обошелъ стараго купчину! — хвастливо подумалъ я, — дѣло уже на мази.

КОММЕРЦІЯ.

... Теперь я понимаю: коммерсантомъ, какъ и поэтомъ, нужно родиться. Но что нужно предпринять для того, чтобы еще до рожденія избрать себѣ по вкусу профессію — не знаю. Можетъ быть, слѣдуетъ заняться естественнымъ подборомъ предковъ. По крайней мѣрѣ, это — научный выходъ изъ положенія, которое, въ сущности, само еще не важно, но и тутъ остается нерѣшеннымъ вопросомъ: какъ это сдѣлать?

И я со спертымъ отъ возбужденія дыханіемъ нанесъ купчинѣ послѣдній, мастерской ударъ.

— Вотъ вамъ счета, вы разберете и сами поймете, на какихъ условіяхъ дѣло будетъ сдѣлано.

— Вы, вижу, парень дѣловой! — принимая счета, похвалилъ меня Перфильевъ и въ восхищеніи отъ моей дѣловитости расхохотался.

— Да, я, какъ говорится, изъ молодыхъ да ранній! Будьте здоровы!

И я солидно, по-купечески, пожалъ ему руку.

... — Ну, дорогой дядюшка, могарычъ съ тебя!

— Неужели продалъ? Молодецъ!

— Твой Перфильевъ старая собака, но я все же сумѣлъ обернуть его вокругъ пальца. Онъ самъ призналъ, что я парень дѣловой!

— Не ожидалъ! Не ожидалъ!.. Признаюсь: всегда считалъ тебя такимъ, заоблачнымъ, парящимъ въ облакахъ... А ты совсѣмъ земной!..

— Теперь, дядюшка, можешь быть спокоенъ за груши. Будь у меня при себѣ пара сотенъ, увѣряю тебя честнымъ словомъ, я бы тутъ же всучилъ ему задатокъ.

— Ты хочешь сказать: онъ тебѣ? — удивленно спросилъ дядюшка.

— Я ему, а не онъ мнѣ: вѣдь, предложеніе мое, я — продавецъ.

— Дуракъ! — съ чувствомъ сказала дядюшка.

— Дура-акъ! Подумать только, такой старый купчина, а ничего не смыслить въ торговомъ дѣлѣ. Я вижу, что такой не скоро пойметъ, и потому оставилъ ему всѣ счета: пусть хорошенько, какъ я, во всемъ разберется...

— Ч-ч-что-о?! Мои сч-сч-чее-чее-та?!

Нижняя челюсть дядюшки смѣшно дрыгала. Я въ первый разъ услышалъ, какъ онъ заикается. Повидимому, онъ чѣмъ-то взволновался.

Я такъ и не узналъ, что его взволновало: онъ указалъ мнѣ рукой на дверь и крикнулъ одно только слово:

— Вонъ!

Я понялъ, что мнѣ слѣдуетъ уйти.

И ушелъ съ радостнымъ сознаніемъ исполненнаго долга. Коммерсантомъ надо родиться... Я и родился.

Исидоръ Гуревичъ.

УЛИЧНЫЙ ТОРГОВЕЦЪ.

За франкъ четырнадцать вещей:

Цѣпочка, рюмочка для виски

И крестъ съ частицами мощей,

Браслетка и капоть англійскій,

Все есть въ четырнадцати тѣхъ

Вещахъ, имѣющихъ успѣхъ.

Хозяинъ ихъ — комиссьонеръ

Съ лицомъ отца іезуита,

Почти на англійскій манеръ

Лукавое лицо обрито,

И чуть помятый котелокъ

Надвинуть плотно на високъ...

Онъ ничего не продаетъ,

Онъ ничего не предлагаетъ,

Онъ просто рюмку и капоть

Необходимыми считаетъ

И говорить, что счастливъ онъ

Затѣмъ, что этимъ всѣмъ снабженъ!

Когда жь подкупленный шофферъ

Толпу невѣрящихъ раздвинетъ

И звонко, всѣмъ наперекоръ,

За эти вещи франкъ свой кинетъ,

Тогда безъ удержу спѣшатъ

Всѣ поскорѣй купить свой кладъ.

И мудро сплавивъ свой запасъ,

Торговецъ со своимъ шофферомъ

Спѣшитъ къ кафэ, чтобъ черезъ

часть,

Чуть подкрѣпивъ себя ликеромъ,

Идти ужъ на другой бульваръ —

Свой рекламировать товаръ.

Потемкинъ.

Рис. А. Р.

ВОЛЧИЙ ЯГОДЫ.

Свобода въ Россіи.

„Русск. Слово“ рассказываетъ:

Въ театрѣ Алексѣевского народнаго дома танцевала Е. В. Гельцеръ и ея партнеръ танцоръ Свобода, очень понравившійся публикѣ. Демократическая публика не менѣе десяти минутъ вызвала артиста, съ особеннымъ удовольствіемъ выкрикивая его симпатичную фамилію, къ которой многіе даже добавляли „да здравствуетъ“...

Въ Россіи всегда такъ... Если появляется Свобода, то только въ одномъ ограниченномъ районѣ Алексѣевского народнаго дома, да и то пляшетъ Свобода подъ чужую дудку...

Задачи.

Въ Петербургѣ издается „Театръ и Жизнь“ — не то журналъ, не то газета.

Выходить ежедневно — значить, газета.

Однако, выходитъ въ видѣ тетрадки, съ иллюстраціями — значить, журналъ.

Однимъ словомъ — метись.

Въ этомъ „метись“ появляются иногда очень остроумныя театральныя юморески Л. Аркадскаго.

Позволяемъ себѣ привести наудачу двѣ изъ „театральныхъ задачъ“:

Въ бассейнѣ А льется вода изъ двухъ трубъ В и С. Когда льется изъ первой, изъ второй не льется. Когда изъ второй — изъ первой не льется. Спрашивается, гдѣ въ этомъ году будетъ читать театральныя лекціи Н. Н. Евреиновъ?

* * *

У одного купца было четыре атракціона, а у другого два дурака. Первый купецъ прикупилъ немного живого товара и отобралъ изъ него двѣицъ, умѣющихъ визжать, а второй занялъ подъ проценты трехъ пьяныхъ. Въ это время пришелъ третій купецъ и ударилъ ихъ по головѣ. Спрашивается, почему результатъ умноженія всего этого другъ на друга называется „Луна-Паркомъ“?

Новая метла.

ВИТЕБСКЪ, Новый полицеймейстеръ Райковъ издалъ приказъ о порядкѣ гулянія по улицамъ.

Полицеймейстеръ предлагаетъ всѣмъ гуляющимъ держаться правой стороны улицы и ходить подъ-руку только вдвоемъ.

Далѣе, полицеймейстеръ заявляетъ, что если приказъ не воздѣйствуетъ на публику, онъ вынужденъ будетъ поставить среди тротуаровъ нарядъ городовыхъ.

Кажется, Райковъ — лицо серьезное, официальное, а привержень нарядамъ, какъ какая-нибудь вздорная модница.

Говорятъ: „Новая метла хорошо мететъ“. Конечно, пусть себѣ мететъ, но зчѣмъ бить этой метлой жителей по головѣ?

Страшное преступленіе.

ГРОДНО. Чиновнику мѣстнаго отдѣленія Гос. банка Турчинскому, сидѣвшему въ то время, когда „мимо него проходилъ губернаторъ“, вѣрно „за непочтительный отвѣтъ“ подать въ отставку.

Надо было вскочить, крикнуть „ура!“, замахать хвостомъ и, лизнувъ руку, отправиться, тихонько повизгивая, на свое мѣсто.

Такова губернаторская система отданія чести высшимъ чинамъ.

Бельгійскій Емеля.

Газеты сообщаютъ:

Директоръ брюссельской обсерваторіи аббатъ Моро предсказываетъ засуху въ теченіе... 17 лѣтъ.

Начнется, по увѣренію ученаго аббата, засуха съ осени 1915 года. Предсказаніе свое Моро основываетъ на изученіи какихъ-то особыхъ пятенъ, появившихся на солнцѣ.

Пишущій эти строки тоже астрономъ.

Чтобы провѣрить сообщеніе Моро, онъ дома разсматривалъ въ телескопъ расположеніе солнечныхъ пятенъ и, дѣйствительно, открылъ, что пятна расположились въ видѣ русскихъ восьми буквъ, съ интерваломъ посрединѣ.

Расположеніе пятенъ такъ:

В. р. е. т. М. о. р. о.

Городовое положеніе.

Изъ Новочеркасска сообщаютъ:

Окружнымъ атаманомъ второго земскаго округа ген.-м. Жидковымъ сдѣлано распоряженіе, чтобы населеніе станицъ о всѣхъ семейныхъ празднествахъ (именинахъ, крестинахъ, свадьбахъ и т. д.) заблаговременно извѣщало полицію.

И теперь можно въ станицахъ услышать крикъ:

— Городовой!!! Полиція!! Полицію сюда!!

— Что, васъ ограбили?

— Нѣтъ, у меня крестины.

Когда ген.-м. Жидкову за заслуги поставятъ памятникъ, на немъ будетъ стоять большой бронзовый околочный.

Курица или утка?

Изъ Парижа сообщаютъ:

Въ академіи медицины профессоръ Поши сдѣлалъ докладъ о сенсационномъ опытѣ доктора-хирурга Карреля. Сердце было вырѣзано у курицы въ началѣ 1912 года и было помѣщено въ особый жизненный растворъ. Прошло 28 мѣсяцевъ со дня смерти курицы, а сердце ея продолжаетъ жить и правильно пульсируетъ.

Можетъ быть, это была не курица, а утка?

Мы знаемъ другого ученаго, который сдѣлалъ болѣе удивительную вещь: онъ держалъ сердце курицы въ жизненномъ ра творѣ 28 лѣтъ, а когда однажды поднесъ къ банкѣ съ ра творомъ живого пѣтуха, который кукарекнулъ — сердце курицы неожиданно вспыхнуло и запылало.

Потому что третій знаменитый ученый сказалъ: любовь не картошка.

Опереточный полицеймейстеръ.

Изъ Екатеринослава сообщаютъ о слѣдующемъ мужественномъ совѣтѣ беззавѣтно преданнаго своему долгу полицеймейстера:

Организатору лекцій Родичева, Гредескула, Микотина и Александрова, явившемуся къ полицеймейстеру Метленко для выясненія его отношенія къ лекторамъ, мудрый администраторъ далъ добрый совѣтъ: „лучше выписать въ Екаѣринославъ оперетку“.

— Какъ вы думаете, — спросить Метленко какого-нибудь умнаго человѣка. — Хорошо ли, что я сдѣлался полицеймейстеромъ?

— Зачѣмъ вамъ быть полицеймейстеромъ, когда вы можете въ любомъ шантанѣ въ парѣ съ негритяжкой танцевать чечотку!..

Еще о полицеймейстерахъ.

„Рампа и жизнь“ сообщаетъ на своихъ страницахъ:

Изъ Кременчуга телеграфируютъ, что тамошній полицеймейстеръ отказался подписать афишу очереднаго драматическаго спектакля, въ который предполагалось ставить:

— „Дмитрія Самозванца“.

Того самаго „Дмитрія Самозванца“, котораго ставятъ для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и институтовъ благородныхъ дѣвицъ.

Это напоминаетъ очаковское начальство, которое недавно на афишѣ, извѣщавшей о постановкѣ пьесы „Царь-плотникъ“, написало: — Кошунственное названіе. Царю неудобно называться плотникомъ, — не измѣните ли названіе такъ: „Царь-благодѣтель“?!

Конечно, приказаніе было исполнено.

По этому поводу журналъ дѣлаетъ очень остроумное примѣчаніе:

Великій Петръ, гордившійся званіемъ плотника, стараніями очаковского начальства былъ лишенъ его.

Вотъ бы и въ Кременчугѣ слѣдовало замѣнить „Дмитрія Самозванца“ такимъ названіемъ:

— „Дважды обнаруженный и усиліями полиціи задержанный рецидивистъ, присвоившій себѣ не принадлежащее ему по роду занятій и положенію званіе и т. д.“

Несомнѣнно, афишу тотчасъ же подпишутъ въ участкѣ.

Говорятъ, что черное дерево одно изъ самыхъ крѣпкихъ деревьевъ.

Интересно, изъ какого дерева сооружаются провинціальныя администраторы?

Пистолетъ-концертъ.

Вотъ что произошло недавно въ Лодзи:

Въ центрѣ города, въ саду гостиницы „Грандъ Отель“ происходилъ бенефисъ капельмейстера симфоническаго оркестра г. Родера.

Капитальнымъ номеромъ программы бенефициантъ избралъ симфонию Чайковскаго „1812 годъ“.

Исполненіе симфоніи онъ обставилъ такимъ реализмомъ, что вызвалъ переполохъ во всей центральной части города.

Когда оркестръ исполнялъ ту часть симфоніи, гдѣ изображается Бородинскій бой, по знаку капельмейстера служители сада взорвали нѣсколько петардъ, разорвавшихся съ оглушительнымъ шумомъ.

Окрестныя улицы и дома наполнились звуками какъ бы пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ.

Около сада среди публики произошла паника.

Прохожіе, предполагая что-то ужасное, бросались въ ворота домовъ и ждали, что будетъ дальше.

Лошади шарахались въ стороны.

Разница между Орфеемъ и лодзинскимъ капельмейстеромъ на, что Орфей своей игрой укрощалъ животныхъ; лодзинскій же Орфей доводитъ животныхъ до бѣшенства.

СЛУШАЙ, ИЗРАИЛЬ...

Дворникъ встрѣтилъ упрямо и грубо:
— Васъ въ полицію звали... вчера.
Закусила безкровныя губы,
Не тушила огонь до утра.

Все ждала, что по лѣстницѣ шаткой
Раздадутся удары сапогъ.
Кто-то ночью надъ дѣтской кроваткой
Пряталъ слезы въ измятый платокъ...

Утро встало туманнымъ и мгlistымъ,
Бился въ форточки каменный гуль...
Передъ соннымъ и злымъ паспортистомъ
Кто-то робко и скорбно вздохнулъ.

«Уѣзжайте!» — Такъ горько и сухо
Въ чье-то сердце ударилъ отказъ.
У подъѣзда торговка-старуха
Пожалѣла молчаніемъ глазъ...

Проворчала тоскливо-уныло,
На лоткѣ поправляя: «жиды»...
Въ сыроватомъ туманѣ застыла
Чья-то тихая тѣнь у воды.

Кто-то въ будкѣ, услышавъ спросонокъ
Громкій всплескъ, торопливо бѣжалъ.

Въ этотъ день одинокій ребенокъ
Что-то ждалъ и кого-то искалъ...
Слушай, Израиль...

Арк. Буховъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Ни одна газета не можетъ такъ умѣло процитировать А. Чехова,
какъ „Новое Время“.

Въ дѣловой статьѣ о Кавказѣ какой-то нововременецъ пишетъ:
*Этихъ богатствъ здѣсь хоть отбавляй; что же касается
благоустройства, зависящаго во многомъ отъ мѣстнаго населенія,
то можетъ быть льтъ черезъ сто или двѣсти, какъ любилъ го-
ворить покойный Антонъ Чеховъ, что нибудь и выйдетъ, если
только правительство не возьметъ инициативу на себя.*
Именно — такъ и сказалъ Чеховъ.

Число ядовъ мало-по-малу начинаетъ увеличиваться количественно
и качественно. Нѣсколько дней тому назадъ „Петербургская Газета“
объявила, что

*Вчера сообщалось о безвременной кончинѣ камеръ-юнкера С.,
отравившагося костью во время обѣда.*

Пройдетъ еще немного времени и та же газета будетъ писать въ
хроникѣ происшествій:

„Ужасная смерть спортсмена. Вчера умеръ отъ приступа диф-
фамации извѣстный спортсменъ К., которому переѣхало ціанистымъ
кали обѣ ноги“.

* * *

„Биржев. Вѣд.“ помѣстили на своихъ страницахъ анкету о Че-
ховѣ.

Содержательнѣе всего данныя о Чеховѣ, сообщенныя артисткой
В. В. Стрѣльской.

Вотъ — буквально:

— *Ничего не могу я сказать объ Ант. П. Къ стыду своему,
знала я его такъ: здравствуйте, прощайте... Обаятельный былъ
человѣкъ... Душевный...*

— Чю вы можете сказать объ Александрѣ Македонскомъ? —
спросили одного ученика на экзаменѣ.

— Ничего, кромѣ хорошаго, — не задумываясь отвѣтилъ уче-
никъ.

* * *

Стихи изъ журнала „Полночь“:

*Жену мою увелъ,
Ахъ, подлый воръ,
Ахъ, подлый воръ,
О, нѣтъ, ему такъ это не пройдетъ,
Такъ не пройдетъ,
Такъ не пройдетъ,
Такъ не пройдетъ,
Такъ не пройдетъ, пройдетъ.*

О самомъ себѣ этотъ журналъ пишетъ:

*Въ виду того, что многіе, не понимая существеннаго зна-
ченія журнала „Шансонетка“, относились къ нему, изъ-за на-
званія, скептически, Редакція рѣшила съ 1-го сего іюня измѣнить
названіе, переименовавъ журналъ въ „Полночь“.*

Я думаю, что для большей популярности журналъ долженъ былъ-
бы называться „Четвертъ пятого“.

* * *

Журналъ „Оса“ пишетъ:

*Мы весьма уважаемъ „Нов. Сатириконъ“. Но еще больше мы
уважаемъ непреложные законы математики, противъ которыхъ
почтенный журналъ возстаетъ совершенно напрасно и въ высшей
степени необдуманно.*

*Въ № 24 „Нов. Сат.“ напечатанъ такой арифметическій
разсчетъ:*

*„По статистикѣ ежедневно на всѣхъ петер. трамваяхъ про-
ѣзжаетъ сверхъ комплекта до 70.000 человѣкъ. Съ каждаго че-
ловѣка по (500 р. штрафа) — это въ день 35 милліоновъ, а въ
годъ — около 12 милліардовъ чистой прибыли“.*

*По „Нов. Сат.“ 70.000 пятисотъ рублевокъ составляетъ
35 милліоновъ; по арифметикѣ, — увы! — больше скромную сумму —
35.000 р.*

Не только по „Н. Сатирикону“, но и по любому учебнику ари-
метики 70 тысячъ пятисотрублевокъ составятъ сумму 35 милліоновъ...
Мы отказываемся въ дальнѣйшемъ слѣдить за развитіемъ матема-
тическихъ способностей „Осы“, исключительно изъ за нежеланія конку-
рировать со школами для умственно-отсталыхъ, которымъ единственно
принадлежитъ это право.

* * *

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ!

Настоящій номеръ разсылается лишь внесшимъ подписную плату за 2-е полугодіе. 2-я премія „Новаго Сатирикона“ — „Литературный
Чемпіонатъ“ картина-шаржъ раб. Ре-ми находится въ печати и въ скоромъ времени будетъ разослана всѣмъ годовымъ подписчикамъ.

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція А. С. РОДЭ.
У СТРОГАНОВА МОСТА. Телеф. 77-34 и 136-60.

ЕЖЕДНЕВНО

GRAND CONCERT UNIVERSEL

изъ лучшихъ атракціоновъ и красавицъ-этуалей.

Подробности см. въ афишахъ.

ЛѢТНІЙ
„БУФФЪ“

Фонтанка, 114. Телефонъ № 416—96.
О П Е Р Е Т Т А.

Дирекція „Палась-Театра“.

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО, СЪ УЧАСТІЕМЪ ВСЕЙ ТРУППЫ,
знаменитая опера изъ китайской жизни

„ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОДЪ“.

Начало въ 8^{1/2} час. веч. Касса откр. съ 12 ч. дня. Входъ въ садъ 50 к. Кабарэ-танго открыты.
ПЕРВОКЛАССНЫЙ РЕСТОРАНЪ-VARIÉ ДО 3 ЧАС. НОЧИ.

RESTAURANT FRANÇAIS
ALBERT

Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61

Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte.

Cuisine française et italienne.

Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.

Гдѣ бывають артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВЪНА“

ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Торг. до 3-хъ ч. ночи.

Вотъ переводъ одного и того же мѣста изъ разсказа Л. Нодо „Хунхузка“, сдѣланный двумя журналами:

„Синій Ж.“:

Тогда она взяла въ руки гитару и подъ ея аккомпаниментъ начала пѣть; Гуизъ явивъ жестами свой восторгъ вскорѣ удалился изъ комнаты, а я, очарованный пѣніемъ, размечтался, позабывъ о недавнемъ волненіи. Да и пѣвица выказывала мнѣ, необычайную для этихъ хитрыхъ созданій, любезность и движеніемъ руки подзвала меня къ себѣ, поближе. И протянула мнѣ длинную серебряную трубку.

„Жизнь и судь“:

Тогда она взяла гитару и подъ ея аккомпаниментъ запѣла своимъ гнусавымъ голосомъ старинную китайскую пѣсню, сопровождаемая ея дикими восклицаніями.

Вунъ-Хо съ низкимъ поклономъ удалился въ самомъ началѣ концерта. Мы были вдвоемъ, и я уже сталъ впадать въ пріятную дремоту, вызванную благоуханіями которыми была наполнена комната. Быть можетъ, я только напрасно беспокоился, и опасности никакой не было.

Если можно не церемониться съ китайцемъ, для котораго безразлично — зовутъ ли его Гу, или Вунъ-Хо, то съ авторомъ все-таки считаться надо, хотя бы изъ снисхожденія къ тому, что онъ самъ написалъ разсказъ...

* * *

Иностр. переводъ изъ „Синяго Ж“.

— Раздался глухой ударъ въ колоколъ и вскорѣ по дорогѣ потянулась вереница рабочихъ, состоявшая изъ смѣшанныхъ племенъ, пестрыхъ не только костюмомъ, но цвѣтомъ кожи. Когда послѣдній вышелъ за ворота, фермеръ поднялъ голову и увидѣлъ меня въ окнѣ и сказалъ... и т. д.

Лучше читать почтовые переводы, чѣмъ такіе.

* * *

Легенда изъ „XX-го вѣка“:

Одинъ старый бригадиръ рѣшился отдать лошадь и шпагу, но не хотѣлъ разстаться съ штыкомъ, говоря, что онъ заколѣе ея (?) слишкомъ много враговъ, чтобы такъ просто отказаться отъ нея (?), и онъ съ силой всадилъ ее (?) въ землю, размокнушую отъ недавнихъ дождей.

Послѣ того штыкъ напрасно старались выдернуть: онъ пустилъ корни и изъ него выросло великолѣпное дерево, цвѣтущее: каждый годъ двадцатаго марта (нов. ст.) въ день рожденія римскаго короля — сына Наполеона.

Разница между деревомъ и редакторомъ „XX вѣка“ та, что дерево сначала посадили, а потомъ оно выросло, а редакторъ сначала выросъ и только теперь его надо посадить за присвоеніе штыку неподлежащаго женскаго рода.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петербургъ.

Тамбовская — Кифарь. — Кифара вздумалъ написать „Купальный разсказъ“.

Въ этомъ разсказѣ фигурируетъ Марія Семеновна — самое хрупкое въ мірѣ существо, по очевидному замыслу автора.

По крайней мѣрѣ, онъ пишетъ:

— „Прохладный вѣтерокъ тихо шевелилъ ея бедра“.

Нѣтъ, Кифара! не быть вамъ нашимъ сотрудникомъ. Хотя бы прохладный вѣтерокъ и расшевелилъ снова ваши руки на письменномъ столѣ.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„О ХОРОШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.

Книга новыхъ юмористическихъ разсказовъ.

Цѣна въ обложкѣ работы худ. РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ разсказовъ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

Обложка работы художника РЕ-МИ. Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е—5-е). Цѣна cadaго выпуска 10 коп.

А. МЮРЖЕ.

„БОГЕМА“.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Театральная библіотека. 3 тома. Въ изящной обл. художника ЧЕХОНИНА. Цѣна cadaго тома 2 руб.

Поступили въ продажу

КОМПЛЕКТЫ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Съ 1-го іюня по 31-е декабря 1913 года.

Въ роскошномъ переплетѣ съ тисненіемъ золотомъ.

Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб.

Продается въ конторѣ журнала „Новый Сатириконъ“. Спб., Невскій, 98.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ“

ПЬЕСЫ И ВОДЕВИЛИ

Томъ IV. Обложка работы С. Чехонина. Цѣна 2 рубля.

Содержаніе: Трудный случай. НА ВОЛГѢ. Четверги. ОДЕС. ИТЫ. Суета суетъ. Вчера и сегодня. Сердце матери. Павликъ. Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть. Товарищъ.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“

ПЯРДОКСЫ и СИЛУЭТЫ

Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 98.

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.

Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая библіотека „НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.

Цѣна каждой книжки 10 коп.

Малый пр. — Старому подписч.

По горло я бреду въ водѣ
И вижу женщинъ я вездѣ.
Разсыпая свой серебристый смѣхъ,
Онѣ кружатъ головы у мужчинъ всѣхъ.

Если не умѣете плавать — нашѣ вамъ совѣтъ — держаться
глубокаго мѣста.

Остальное сдѣлается само собою

Тр—въ. Б. Н.

— „Она раздувала ноздрями (?), горделиво отбрасывая голову.“
Если вашу — то по заслугамъ.

Б. Провинція.

Холмогоры — Дону-Цезарю. Холмогоры знамениты Ломоносовымъ и популярными холмогорскими коровами.

Отъ кого ведетъ свой родъ Донъ-Цезарь — пусть рѣшить читатель по отрывку изъ произведенія Дона-Цезаря:

Жизнь — очень странная штука:

Приходитъ вдругъ смерть старуха:

И, открывъ свой проваленный ротъ,

Косой рѣжетъ горло поперекъ.

Жуткій образъ.

ВОЗРОЖДАЙТЕСЬ.

Тѣ, кто желаетъ возродить свои истощенный организмъ, тотъ пусть принимаетъ Лециталь по проф. Кронмайеру, МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

Меня спасли три коробки этихъ волшебныхъ таблетокъ. Я почувствовалъ въ себѣ полное перерожденіе, новыя умственные способности и новую силу. Я переодился и сталъ жизнерадостнымъ. Появился аппетитъ и сонъ, окрѣпли мускулы.

Прекратились головокруженія. Буду совѣтовать это средство и только одинъ Лециталь — всѣмъ страдающимъ. Я столько выстрадалъ раньше и такъ счастливъ теперь, что хотѣлъ бы крикнуть на весь міръ: больные малокровіемъ, невравстеніей, если хотите возродиться, принимайте только Лециталь по проф. Кронмайеру МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Изъ боязни поддѣлокъ, я выписалъ Лециталь отъ самаго МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА (С.-Петербургъ, Артиллерійская, 2) отд. 088 уплативъ по 9 руб. за 1 кор. въ 100 таблетокъ и по 5 руб. за 1 кор. 50 таблетокъ.

Г. Гродно, Вятскій полкъ, 3 рота. Во избѣжаніе вредныхъ для здоровья поддѣлокъ требуйте ЛЕЦИТАЛЬ, съ прилагаемымъ образцомъ фабричной марки, утвержденной Правительствомъ.

Вниманію книгопродавцевъ!

Поступили въ продажу номера журнала „Новый Сатириконъ“ за 1913 г., сброшюрованные по 5 экз. въ особой цвѣтной обложкѣ. Цѣна 30 коп. комплектъ изъ 5 экз. Имѣется 6 комплектовъ. Книгопродавцамъ ск. 35% пересылка за счетъ издательства.

Изд. „Новый Сатириконъ“.
Спб. Невскій просп. 98.

Однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ солнца

Являются веснушки. Особенно обильно появляются онѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда кожу лица сильно раздражаютъ палящіе лучи солнца. Долгое время веснушки — это обезображивающій даже самыя красивыя лица недостатокъ — относились къ разряду тѣхъ золь природы, съ которыми человекъ еще безсилень бороться. Но съ изобрѣтеніемъ получившаго широкую извѣстность крема КАЗИМИ Метаморфоза взглядъ ученыхъ на этотъ вопросъ рѣзко измѣнился. И это вполне основательно — ибо кремъ КАЗИМИ — радикальнѣйшее средство, предупреждающее и уничтожающее веснушки, пятна, загаръ, угри и другіе дефекты лица. Цѣлебное значеніе этого крема усиливается еще тѣмъ, что онъ не содержитъ никакихъ ядовитыхъ или раздражающихъ кожу веществъ.

НИК. АЩЕШОВЪ, „РАНЫ ЛЮБВИ“.

Книга рассказовъ. Вышла изъ печати и продается.

Обложка работы Миссъ.
Цѣна Руб. 1.25.

Издательство „Прометей“.

ПОЛУГODOVAYА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

2-ой годъ 2 ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) "ОТКЛИКИ" (съ иллюстраціями). Статьи по вопросамъ литературы искусства и науки.

2) ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ Литературно-Художественное приложение.

Въ газетѣ „ДЕНЬ“ принимаютъ участіе: Влад. Азовъ, В. К. Агафоновъ, Аркадій Аверченко, А. В. Амфитеатровъ, С. А. Ауслендеръ, К. Д. Бальмонтъ, І. М. Бекерманъ, А. А. Блокъ, Вал. Брюсовъ, Проф. И. А. Бодуень-Куртенеъ, Ф. А. Браунъ, В. В. Водовозовъ, Л. И. Войтоволоскій, Станиславъ Вольскій (Лондонъ), Вл. Денисовъ, С. Дмитриевъ, Б. И. Лембо, А. С. Залшупинъ, Д. Заславскій, (Notunculus), Проф. Ф. Ф. Зелинский, Ст. Ивановичъ, В. Князевъ, О. Я. Кобецкій, Проф. С. А. Корфъ, В. П. Коломійцевъ, Антонъ Крайній, А. Кугель (Ното Nowus), В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Р. Кугель, Проф. И. И. Лапшинъ, Эмануилъ Ласкеръ, Проф. Н. О. Лосскій, А. Я. Левинсонъ, А. В. Луначарскій, Евг. Ляцкий, С. Д. Мережковскій, П. Надеждинъ, О. Л. Д'Орбъ, К. Пажитковъ, С. Т. Патрашкинъ, П. П. Потемкинъ, А. Пругавинъ, А. М. Ремизовъ, И. М. Розенфельдъ, С. Розовскій, Петръ Рысь, С. Святиковъ, Проф. В. В. Сиповскій, В. Станкевичъ, Пр.-Доц. К. Ф. Тандеръ, Проф. В. Ф. Шишмаревъ, Пр.-Доц. П. Ю. Шмидтъ, А. Шмулеръ, П. Е. Щеголевъ, П. Юшкевичъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1 годъ	10 р. — к.	3 мѣсяца	2 р. 80 к.
1/2 года	5 р. 30 к.	1 мѣсяць	1 рубль.

Подписка принимается нахъ въ Главной Конторѣ (СПб., Невскій пр. № 69), такъ и въ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ учрежденіяхъ.

Пейте только **ОХОЛОЖДЕННЫЙ**
„Бенедиктинъ“

BÉNÉDICTINE
LA GRANDE LIQUEUR FRANCAISE

Buvez la Bénédictine toujours glacée.
Trinkt Bénédictine stets gekühlt.

Объ уходѣ за красотой.

„Замѣтили ли Вы въ послѣднее время какія-либо улучшенія въ цвѣтѣ лица знакомыхъ Вамъ дамъ?“ — такъ спросилъ меня недавно одинъ господинъ изъ высшаго общества. Тысячи женщинъ примѣняютъ теперь новый методъ всасыванія. Дѣло очень просто: онѣ идутъ въ ближайшую аптеку и покупаютъ приблизительно 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона д-ра Антона Мейера и накладываютъ его нѣсколько ночей такимъ же образомъ, какъ и кольдъ-кремъ. Вы тогда замѣтите, что ихъ изношенный цвѣтъ лица постепенно всасывается и освобождаетъ молодой слой, находящійся непосредственно подъ нимъ. Вслѣдствіе этого, лицо становится моложе и красивѣе, а такъ какъ этотъ способъ очень простъ, дешевъ и успешенъ, онъ очень подходит для улучшенія потрескавшихся, жесткихъ и покраснѣвшихъ рукъ. Новый методъ все болѣе укореняется. Говорятъ, что можно лицо сохранить постоянно выглядящимъ юнымъ, если примѣнять вышеуказанный способъ.

На каждой банкѣ настоящаго Дермозона имѣется наклейка:

„Издѣліе Лабораторіи Доктора Антона Мейера“. Если имя Доктора Антона Мейера сокращено или искажено, то предъ вами явная поддѣлка.

„Искусство хорошо спать“
сохраняетъ жизнь человекъ.

Выпущенная въ свѣтъ подъ названіемъ „Искусство хорошо спать“ и составленная по трудамъ извѣстнаго проф. Гоммонъ Бушо, доктор. Штаркъ, К. Вернеръ, Манасинъ и др., книга эта въ ясной формѣ излагаетъ сущность и значеніе сна въ жизни человекъ и учитъ, какъ надо спать здоровымъ, укрѣпляющимъ, спокойнымъ сномъ, безъ мучительныхъ кошмаровъ и тяжелыхъ сновидѣній.

Желая сдѣлать книгу общедоступной, издательство рѣшило уменьшить цѣну съ 3-хъ руб. до 2-хъ руб., безъ перес.

Книги высылаются налож. платеж. по полученіи задатка.

ЕДИНСТВЕННАЯ ПРОДАЖА: С.-Петербургъ, Коломенская, 13, кв. 7,
Госпожѣ З. А. Шульзингеръ.

Кіевъ — Таня Мир. — „Вашъ журналъ, — пишетъ Таня Мир. — совсѣмъ не занимается женскимъ вопросомъ“.

И тутъ же ниже женскій вопросъ: — „Что, редакторъ Аркадій Аверченко — старый или молодой?“

Придется заняться женскимъ вопросомъ: 32 года редактору. Совсѣмъ дитя.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ШОКОЛАДЪ, КАКАО „АЛЛЕНВЭРИСЪ“
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЪ. ЛУЧШІЙ ВЪ МІРѢ. „АНГЛІЙСКІЙ МОЛОЧНЫЙ ШОКОЛАДЪ, КАКАО.“

Въ лѣтніе жаркіе дни, когда изобиліе плодовъ и ягодъ, высокая температура и вообще вся нѣсколько безпорядочная лѣтняя жизнь легко располагаетъ къ желудочнымъ заболваніямъ, лучшимъ предохранительнымъ средствомъ для взрослыхъ и дѣтей является маленькая рюмка превосходнаго на вкусъ французскаго вина „Сень-Рафаэль“. Оно поддерживаетъ нормальное состояніе желудка, укрепляетъ организмъ, освежаетъ и восстанавливаетъ силы.

Настоящее съ этой подписью

S. Raphael

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧАЯ

Всегда неизмѣнно высокое качество чаевъ фирмы И. Е. Дубинина создало для фирмы завидную извѣстность по всей Россіи. Во всѣхъ даже глухихъ уголкахъ великой Россіи пьютъ и наслаждаются нашими знаменитыми чаями: чай Янхао № 14—2 руб., чай Царская Роза № 5—2 руб., чай Моюне № 18—2 р. 40 к. и чай Невыбывала Рѣдкость № 8—2 р. 80 к. Если кто не пробовалъ эти необыкновенно высокіе чаи, тотъ пусть требуетъ ихъ у мѣстныхъ торговцевъ или выписываетъ изъ Москвы изъ нашихъ складовъ. На пробу высылается 1 фун. по 1/4 фунту каждаго сорта за 2 руб., четыре фунта по 1 фунту каждаго сорта за 7 руб. 55 коп. Пересылка во всю Европейскую Россію за нашъ счетъ.

Склады **И. Е. ДУБИНИНА**, МОСКВА, Покровка, 5, ЧАЕВЪ.
Подробный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ИЗМУЧЕННЫЕ ГОНОРРЕЕЙ — ВЫСЛУШАЙТЕ МЕНЯ.

Я страдалъ годы жестокимъ хроническимъ трипперомъ. Истеченіе гноя истощало все мои силы, боли, бессонница, мучительные сны и ихъ послѣдствія. Я много лѣчился. Меня терзали спринцеваніями, томили бужами, щедро откармливали внутренними лѣкарствами. Помощи не было.

Спасли добрые товарищи, которые въ короткое время окончательно излѣчили меня чуднымъ препаратомъ, капсулы Кубеноль С.-Петербургскаго МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА (Артиллерійская 2 — отд. 088, уплативъ по 2 руб. 25 коп. за двойную коробку. Я принялъ пять коробокъ Кубеноля, — и въ настоящее время совершенно здоровъ. Лѣкарства не поддѣльныя должны быть съ фабричной маркой товарищества, въ аллюминіевыхъ коробкахъ и лучше прямо оттуда выписывать. А потому считаю своимъ нравственнымъ долгомъ высказать на страницахъ газетъ мою глубокую благодарность МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ за изобрѣтеніе имъ чуднаго средства Кубеноль, а страдающимъ этой ужасной болѣзью, поторопитесь лѣченіемъ, а не тратьте ни своихъ матеріальныхъ средствъ на поддѣлку негодныхъ фабрикатовъ, а главное не теряйте время и здоровья и воспользуйтесь капсулами Кубеноль МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, и Вы будете излѣчены. Всю жизнь благодарный МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ.

г. Баку. Потомст. Гражд. Н. Ковъ.

Во избѣжаніе вредныхъ поддѣлокъ для здоровья, требуйте Кубеноль МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА съ фабричной маркой, утвержденной Правительствомъ, прилагаемаго образца.

Гигіен. Резин. издѣлія (предохранители)

для спец. надобн. гигиен. приборы изъ зол. и серебра для дамъ и мн. др. интер. новин. Треб. илл. пр.-кур. безпл. или въ закр. конв. за 21 к. марк. Америк. складъ

Джонъ Роджерсъ. Спб., Невскій, 60—21.

ФОТО гр. снимки нар. жанра для мужчинъ любителей нов. каталогъ на 1914 г. съ подр. опис. серіи, а также иконт. литерат. и резинов. изд. выс. въ закр. конвертѣ по полученіи 7 коп. марки за пер.— Адр. Варшава, Литовская 11. „Венера-Венусъ“.

МАРКИ для коллекцій. Даромъ обширный каталогъ. В. А. Зольманъ, Рига.

Все холодные напитки могутъ быть газированы съ помощью сифона
„ПРАНА“ СПАРКЛЕТЪ
ВОДА, ВИНО, МОЛОКО, ЛИМОНАДЪ И Т. Д.

Спарклеты незамѣнимы въ хозяйствѣ и занимаютъ видное мѣсто на всякомъ столѣ. Если Вы еще не запаслись, то не замедлите приобрести его. Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ имѣть возможность во всякое время у себя на дому, лично приготовить гигиеничный освежающій и газированный напитокъ.

Продается вездѣ.

За справками, проспект. и т. д. обрац.

Aerators Limited,
Upper Edmonton, London.

ГОНОРРЕЯ (ТРИППЕРЪ).

Гоноррею, перелой и бѣли въ острой и хронической формѣ быстро вылѣчи ваешь соверш. безвредн. и клинически испыт. средство (для внутр. употребл.)

„ТИЭЛЕРИНЪ“

ДОКТОРА МЕД. ЖЕНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ГОРОХОВСКОЙ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ-СПЕЦИАЛИСТАМИ.

Цѣна ординарн. флакона (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойн. 3 р. безъ пересылки. Подробное наставленіе при флаконѣ. Высылается наложн. платжомъ. ВЪ СЛУЧАѢ НЕИЗЛѢЧЕНІЯ — ВОЗВРАЩАЮ ДЕНЬГИ ОБРАТНО. Адр.: д-ру Э. М. Гороховской, Москва, Срѣтенка, Даевъ пер., д. 1-28, кв. 3. Отд. 101. Отпускъ лѣкарствъ отъ 9 ч. у. до 7 ч. в. Личн. пріемъ отъ 4 до 7 ч. в.

ЛОВЕЛАСЬ.

Онъ: — Что? Любая женщина будетъ у моихъ ногъ! Для этого слѣдуетъ только хорошенько хватить ее между глазъ...

Рис. Н. Радлова.

— Въ путеводителѣ сказано, что жители этого мѣстечка отличаются замѣчательнымъ долголѣтиемъ.
— Интересно испытать это. Какъ жалко, что ты взялъ отпускъ только на мѣсяць.